

«Я – ПОСЛЕДНИЙ В РОДУ И ПОСЛЕДНИЙ В СТРАНЕ»

РИМСКИЙ ВОЗНИЦА

Везерские горы под снегом,
Под снегом родная земля...
Скрипя деревянным ковчегом,
Возница встречает меня.

Дворцы удивительных зодчих
Встанут из холодной реки.
Смежаю печальные очи,
Сжимаю руками виски.

И вижу сквозь белую вьюгу
Мой буковый лес наяву,
Где бродит олень по яругу,
Все ищет под снегом траву.

И дети мужают в деревне,
Где вьюга гуляет одна,
И женщины с благостью древней
Прядут зимний лен у окна.

И слышится римскому краю
Дыханье еловых ветвей...
Мой меч посвящен государю,
А сердце – Отчизне моей.

ПАЖ

Я – паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
Служу королеве бургундской.
Сегодня она говорила со мной
На мраморной лестнице узкой:

«Поведай, так трепетно ты почему
Касаешься шлейфа губами?
Мне кажется, паж, ты целуешь кайму,
Усыпанную жемчугами!»

Я пал перед ней на колени, моля:
«Прошу не наказывать строго!»
В ответ госпожа усмехнулась моя,
Поправила локон немного:

«Ты видишь, как сокол перчатку когтит?
Как топчется лошадь на месте?
Одно наказание тебе предстоит:
Со мной поохотиться вместе».

И мы понеслись – так, что ветер отстал
И знатная свита отстала.
Мой конь вороной подо мною плясал
И шпага на ленте плясала.

Где высится дуб, опаленный огнем,
И ельник разлапистый слева,

Оставшись вдвоем на лугу голубом,
Призналась моя королева:

«Сегодня мне руку свою предложил
Кастильский властитель надменный.
От замков ключи он к ногам положил,
А рядом свой герб драгоценный.

Горит на гербе серебро и топаз,
Сияют ключи среди ночи...
Твой смех серебристее в тысячу раз,
Лучистее юные очи».

Я паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
Служу королеве по чести.
Ловлю налету поцелуй неземной,
Когда мы охотимся вместе.

А если, возможно, хотите узнать,
Что было потом на свиданьях,
То я ничего не смогу вам сказать,
Затем что молчу при лобзаньях.

САГА О КОЖАНЫХ ШТАНАХ

Этот царский олень жил бы тысячу лет,
Но его подстрелил на охоте мой дед.
Его кожа была и толста, и крепка –
Можно сшить превосходную вещь на века.
Долго дед над оленьюю шкурой мудрил,
Наконец он штаны из нее смастерил,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.

Это дивные были штаны, и мой дед
Их носил, не снимая, почти тридцать лет,
А когда по наследству отцу перешли,
То стоять без труда уже сами могли.
Задубев на морозе, они вечером
Перед жарким камином стояли колом.
От колючих метелей, от хлестких дождей
Становились штаны
лишь прочней и прочней.

Вот родителю стукнуло за шестьдесят.
Он решил починить свой любимый наряд.
Оказалось, что кожа все так же крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка,
Как зубцы шестеренок в старинных часах.
И отец гарнитур поменял на штанах.

Не вернуться веселым денюгом никогда:
Очертела отцу верховая езда,
Да и правду сказать, сумасшедший галоп
Разутешит едва ли почтенных особ.
Над подарком недолго раздумывал я:
Очутились штаны на заду у меня.

Был приказ воевать в кавалерии мне,
И штаны в тот же час подскочили в цене.
Во спасенье не раз на баталиях им
Приходилось сливаться с моим вороным,
А потом на просушке они вечером
Перед жарким камином стояли колом.

В тех местах, где я рос и мужал на глазах,
Сохранился от деда рассказ о штанах,
Что когда-то весенней цветущей порой

Отливали они изумрудной волной.
Но позднее отец подмечал между строк
Сероватый оттенок, мышинный намек.
А сегодня штаны эти выглядят так,
Как чуть-чуть побуревший турецкий табак.

Что ж, меняя хозяев, штаны каждый раз
Обретали внезапно и новый окрас.
И, как знать, не придется ли им покраснеть,
Если кто-нибудь вновь пожелает надеть,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.
Сквозь далекую дымку все чудится мне:
Старший сын поутру скачет в них на коне.

Пусть он носит штаны
круглый год напролет,
Ни в дожди, ни в метелицу не бережет.
Их дубленая кожа, как прежде, крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка.
По примеру отца пусть мой сын дорогой
Гарнитур поменяет на них роговой.

Если будут штаны так и дальше служить,
Если будет штаны честолюбец носить,
Если будут штаны так же ездить верхом,
Если будут стоять так же сами колом, –
Мальчик мой, пусть идут за годами года,
Но не сносятся эти штаны никогда.

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

«Угадает мой род. Я – последний в роду.
Золотая листва опадает в саду,
И дыханье зимы уже слышится мне.
Я – последний в роду и последний в стране.

Помню, пылкая страсть уносила меня:
Я держался за гриву лихого коня.
Но другая, увы, наступила пора,
И меня теперь держит за гриву хандра.

На последнюю встречу в мой каменный дом,
Возведенный
над древним Везерским холмом,
Собралась вся моя записная родня –
Проводить в одинокую вечность меня.

Я был рад раздарить напоследок добро:
Кому – тучные нивы, кому – серебро,
И мужам благородным напомнить наказ:
Вековые законы священны для нас!

И копьё мне вручили мужи, а затем
Нахлобучили сверху заржавленный шлем,
Повели попрощаться к воротам стальным:
Как бродяга, я встал перед домом родным.

И стоял я на пыльной дороге один,
Сам себе человек, сам себе господин,
И, как гостя, меня пригласили в мой дом,
И наполнили кубок кипящим вином.

Я сказал:
пью за доблесть в смертельном бою,
За святые могилы в родимом краю
И за ветхое древо с последним листом,
Что теперь опадает в саду золотом».

Старый рыцарь замолк, и с глухою тоской
Посмотрел на туманный рассвет над рекой,
И навеки смежил перед миром глаза,
И сорвавшийся лист отлетел в небеса.

И тотчас над притихшим
Везерским холмом

Разразился
прощальный серебряный гром:
Застонали, заплакали колокола,
Развевая печаль от села до села.

А когда растворился туман на заре,
Раздались песнопения в монастыре,
И возвысилась к небу вся святость земли,
Ибо прочные камни в основу легли.

.....
На дворе спозаранку седлали коней.
Расставались мужи до рождественских дней
И скакали домой по туманной меже...
Только наш старый рыцарь был дома уже.

ЛАНДСКНЕХТЫ В РАЮ

На небе во дворце старинном
Сидят они перед камином,
Ландскнехты отремевших битв.
Далёко от седых пророков
Сидят они, не зная сроков,
Талдыча тысячи молитв.

В подсумке флягу жестяную
Порой пошарят, но впустую:
Нет выпивки в святой глуши.
Лишь ангел, заглянувший кстати,
Подаст стаканчик благодати –
Отраду праведной души.

А кто захочет побраниться:
«Черт подери муштру и смерть!»,
Уста не смогут оскверниться,
Но смогут аллилуйю спеть.
Тут даже раненый рейтар
Улыбку выдавит сквозь жар,
Тряхнет ошметком бороды
И сплюнет в сторону звезды.

В раю блаженство – это так,
Но как немного здесь вояк!
Ведь остальные капитаны,
Полковники и капелланы
Сидят внизу, горят в аду,
Плюются на сковороду.

Вот слышат братья по оружию,
Как прорывается наружу
Откуда-то призывный шум:
Турум-тум-тум, турум-тум-тум.

Тогда по облакам чудесным
Они спешат к вратам небесным
И обращают слух к земле.

Там барабаны бьют под стягом,
Идут друзья железным шагом
И трубачи трубят во мгле.
Скрипят телеги, латы блещут,
Знамена на ветру трепещут,
Горят деревни, вьется дым,
К вратам вздымаясь неземным.

Вдыхая горький дым и плача,
Они глядят на жаркий бой:
Кому достанется удача
И кто останется живой?

Придет апостол и солдат
Прогонит от небесных врат.
И снова во дворце старинном
Сидят они перед камином,
Молчат, раздражены и грубы,
Лишь прорывается сквозь зубы
Глухой мотив, призывный шум:
Турум-тум-тум, турум-тум-тум.

*Перевод с немецкого
Е.В. ЛУКИНА*

